

© *Дзюбенко М. А.*

3) порушення, вказаних вище параметрів, призводить до соціальної напруженості, соціальних конфліктів, «заганяє» соціальні проблеми усередину;

4) неявні форми соціального діалогу (відсутність конституційно-правової упорядкованості) веде до тенденції соціальної деструкції. Важливо відзначити, що результатом соціального діалогу є консенсус.

Отже, до основних загальних рис діалогу як особливої форми комунікації належить те, що він, на відміну від суперечки з її прагненням до істини, означає рух до розуміння і взаєморозуміння. Істина діалогу - це «територія згоди», коли кожна зі сторін визнає співбесідника в якості унікальності, самоцінності, що має право на свої судження відносно усього у світі.

Необхідна умова діалогу – визнання права на існування думки, відмінної від моєї, іншого світогляду, мови, культури, тобто прийняття іншого таким, яким він є, без прагнення переконати, перевиховати, навчити співбесідника. Конструктивний діалог, в умовах різноманітності соціальних позицій, можливий лише на основі втілення установок толерантності.

Таким чином, ми можемо дати наступне визначення соціального діалогу: діалог не лише форма суб'єкт-об'єктного обміну, але і самоналаштована адаптивна система комунікації, що генерує розуміння людських і соціальних смислів. На нашу думку, саме рефлексивність в діалозі відіграє вирішальну роль у процесі виникнення розуміння.

Виступаючи особливим видом комунікації, діалог в умовах збільшення обсягу, ускладнення структури, поглиблення змісту та розширення різноманітності форм зв'язків і типів відносин стає важливим, а часто вирішальним засобом, що забезпечує взаєморозуміння на різних рівнях спілкування різних суб'єктів. Він виступає як найбільш дієвий засіб побудови складних систем відносин на різному рівні і в різних просторах суспільного життя. Будучи певною формою спілкування і виконуючи всі його функції, він має свою специфіку, яка забезпечує йому особливу роль в організації життєдіяльності людей. Він - необхідна умова розгортання та розвитку міжособистісних, міжгрупових, міждержавних відносин: культурних, економічних, політичних і т.д. Природно формується і збільшується потреба оптимального розкриття і розуміння можливостей діалогу, сфер, меж, «способів» його використання.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. - 377 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. -М. 1994. – 154 с.
3. Социально-философский словарь / Сост. И ред.. В.Е. Кемеров, Т.Х. Кемиров. – М.: Академический проспект, 2003. – 560 с.
4. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. /Сост. и коммент. А.В. Михайлова - М.: Гнозис. 1993. - 333 с.
5. Ясперс К. Коммуникация, /http://www.filosoft.tsu.ru
6. Ortega-y-Gasset J. Man and Crisis. New York, 1958.
7. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston, Beacon Press, 2 vols., 1984.

Дзюбенко М. А., аспірантка кафедри філософії та соціології Южноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського

УДК: 179.7 + 306.87

ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ СУЧАСНОЇ НЕНАСИЛЬНИЦЬКОЇ ЕТИКИ

У статті розглядаються сучасні трактування ідей ненасильства. Аналізуються компоненти ціннісної картини світу. Виявляється взаємозв'язок між основними постулатами духовної картини світу в цілому та сучасною реальністю, аналізується ряд основних проблем етики ненасильства, виявляються її перспективи.

Ключові слова: ненасильство, насильство, цінність, категорії ціннісної картини світу, плюралізм, деспотизм, анархія, добро, зло.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ ЭТИКИ

В статье рассматриваются современные трактовки идей ненасилия. Анализируются компоненты ценностной картины мира. Выявляется взаимосвязь между основными постулатами духовной картины мира в целом современной реальностью, анализируется ряд основных проблем этики ненасилия, выявляется ее перспективы.

Ключевые слова: ненасилие, насилие, ценность, категории ценностной картины мира, плюрализм, деспотизм, анархия, добро, зло.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF MODERN ETHICS OF NONVIOLENT

The article deals with the modern interpretation of ideas of nonviolence. Analyzes the components of value-world picture. Reveals the relationship between the basic tenets of the spiritual picture of the world in general, contemporary reality, analyzed some of the main issues of ethics of non-violence, reveals its prospects.

Keywords: non-violence, violence, value, value category picture of the world, pluralism, despotism, anarchy, good and evil.

Сложно спорить с тем, что в кругах интеллектуально-элитарного наследия современного общества философия ненасилия воспринимается как однозначно положительное этическое наследие. Одновременно с этим, сложно и оспорить тот факт, что ненасильственное этическое наследие воспринимается как сугубо теоретический аспект культуры, знание нюансов которого абсолютно не обязывает применять его на практике.

С чем же связана такая сугубо теоретическая тяга к ненасилию? Во-первых, исторически принято считать под ненасилием некую статичную модель поведения. Подразумевается, что человек, практикующий ненасильственную этику, обрекает себя на всевозможные лишения и ограничения. Отчасти, такое мнение сопряжено с тем, что впервые ненасильственные идеи были озвучены пророками, святыми отцами-отшельниками и другими просветителями, которые вели обособленный, отчужденный образ жизни. Здесь уместным будет обозначить и тот факт, что основные сподвижники ненасильственной парадигмы, например, Иисус Христос и Махатма Ганди, приняли смерть из рук насилия. Завершили жизнь мученическим путем. Конечно, оба эти факта можно трактовать двояко: с одной стороны, не достаточно убедителен будет довод о том, что именно концепция ненасильственного сопротивления злу привела и Иисуса Христа и Махатму Ганди к насильственному завершению жизни. Однако же политические аспекты исторических периодов и миссий каждого из них вполне могут быть объяснением тому.

Конечно, тот мир, который видим сейчас мы – не совершенен. Да и любое человекомерное пространство не может быть совершенным, поскольку совершенство – суть категории истины, а истина всегда останется недостижимой там, где присутствует человеческий субъективный фактор. Чтобы являть собой идеал философии ненасилия, человек должен обладать полным набором моральных качеств, выработанных не только его эпохой и цивилизацией, а сконструированных на протяжении всего существования человеческого рода. Традиционная система социализационных ценностей основана на ступенчатом последовательном построении всей жизни человека, начиная с его рождения и заканчивая смертью. Такая установка социализации базируется, прежде всего, на аспектах материального благополучия и обеспечении человеческой жизни максимальных условия ее сохранения. Разумеется, ненасильственная парадигма отталкивается исключительно от материальных установок, поэтому даже в случае, если на кон ставится благоустроенность будущей жизни, ненасильственная этика стоит на своем: насилие не должно быть применено.

С этой точки зрения действительно становится понятным, что ненасилие, в его базисной специфике, для людей сегодняшней цивилизации не может быть полностью воплощено в жизнь. Однако оно абсолютно удовлетворяет вопрошание людей к общечеловеческому идеалу ценностей, построению идеального бесконфликтного мира, поскольку именно мечта о недостижимом идеальном всегда меняла ход исторического процесса.

Современный человек, ограниченный рамками заботы о себе и своей семье - с одной стороны, и моральными ценностями своей эпохи – с другой, постоянно находится перед выбором.

Проявлять ли насилие (в данном случае, будет удобнее понимать под насилием его типологические разновидности, такие как финансовое, психологическое и пр.), или же отстаивать ненасильственные взгляды. В условиях такого выбора человеку свойственно прибегать к способам, сводящим насилие практически к нулю или же удовлетворяющим обе стороны конфликта. Такими способами выступают конформизм, умение находить компромиссы, специфика миротворческих переговоров и многие другие, направленные, пусть и не полное подавление насилия ненасильственной моделью поведения, но на сведение причинения зла себе и другим к минимуму.

В данном ракурсе рассмотрения компромиссов между ненасильственной теоретической идеей и довлеющей к насилию реальности интересным является и религиозный прецедент покаяния как особой моральной практики исповеди перед Богом и успокоения собственной совести после совершения необдуманных поступков. Однако покаянию не обязательно быть сугубо религиозной практикой. Многие внешнеполитические конфликты стран (к примеру, конфликт Соединенных Штатов Америки и Японии в конце второй мировой войны), по примирению сторон были скреплены регламентами о нецелесообразности военных действий. Конечно, такие сугубо политические механизмы ведения диалогов на уровне столь развитых стран, не могут служить примером политического покаяния уже потому, что покаяние есть суть духовного аспекта человечества, а политика – материального. Но для нас представляет ценность уже сам тот факт, что даже на уровне глобальных насильственных противостояний двух держав возможен, хоть и пост конфликтный, но все же переговорный миротворческий процесс. Примечательно здесь и то, что на всей планете нет ни одного министерства нападения, существуют лишь министерства обороны.

Итак, что же представляют собой основные проблемы современной ненасильственной парадигмы? Прежде всего, к таким проблемам можно отнести неверие отдельного человека в действенность ненасильственной этики на практике. Исключительно как теория – ненасильственная идея может набрать гораздо больше сторонников, нежели противников, поскольку каждый желает жить в идеальном мире, в котором и ему самому, и его семье, и его близким будет обеспечен весь спектр задекларированных ненасильственной идеей благ. А именно – не существование зла как такового, неприятие насилия и остальные гуманистически ориентированные блага. На практике же оказывается, что индивид, практикующий ненасильственное взаимодействие с окружающим миром, не встречает от этого самого окружающего его мира такой же установки относительно самого индивида. Именно боязнь того, что на твой ненасильственный запрос мир ответит декларацией зла, и является основной причиной возникновения циничного отношения к практическому применению ненасилия. Однако с другой стороны, именно эта человеческая боязнь зачастую являет собой завуалированное оправдание зла, попустительское отношение к тому, кто решился воплотить ненасильственные ценности в жизнь.

Немецкий философ Петер Слотердаjk, размышляя над феноменом человеческого цинизма в своем труде «Критика цинического разума», приходит к выводу, что современный цинизм представляет собой обширную диффузную категорию, выходящую уже за рамки лишь индивидуально-поведенческого фактора. Цинизм, в его современном проявлении, с точки зрения Слотердаjка, перестал быть характеристикой отдельной личности, он является доминирующим качеством всей цивилизации. Философ подчеркивает, что, проходя все этапы социализации, человек с самых ранних лет может отличить зло от добра, благородный поступок от эгоистического. Кроме того, человек всегда дает качественную оценку своим действиям. Он понимает, что совершает зло. И точно также понимает, что с точки зрения общепринятой морали – нет и не может быть оправдания тому, кто причиняет зло осознанно. То есть, зная, что идеал гуманистического общества требует от человека лучших качеств и образа поведения, человек ведет себя не так, как ему следовало бы себя вести с точки зрения этого идеала, однако не ощущает по этому поводу никаких особых угрызений совести.

Можно заключить, что индивид, который прибегает к злу для собственной выгоды, полностью отдает себе отчет в том, что зло представляет собой аморальную установку. И этот же индивид, который, хоть и воспитан в рамках гуманистических ценностей, однако уже впитавший в себя ту степень циничности общества, о которой говорит Слотердаjk, обосновывает свои поступки тем, что такова специфика жизни в обществе. Другими словами - «так устроен мир, если бы я не сделал этого, это сделал бы кто-то другой, в любом случае, это бы произошло».

Однако, соглашаясь со Слотердаjком, и признавая нашу цивилизацию в целом и современного человека в частности примером идеала циничности – не возвращаемся ли мы тем самым к завуалированному оправданию зла с помощью оправдания слабыхарактерности человечества? Ведь,

если принять за истину тот факт, что современное человечество цинично уже в самой его природе – то можно не искать оправдания и собственным своим поступкам, отталкиваясь от того, что все равно являешься сыном своего поколения и никуда не деться от его установок.

Итак, если первой очевидной проблемой на пути современной ненасильственной парадигмы является признание цинизма как обще социальной установки, то второй ее проблемой, безусловно, можно считать недоверие к масштабности охваченных ею вопросов и предлагаемых путей решения.

Зачастую такое неверие выражается в следующем вопрошании к ненасильственной парадигме: если ненасильственная парадигма столь всеобъемлюще декларирует свои плюсы, если ее идеи выдвигаются такими авторитетными последователями, если она несметно существует на протяжении стольких тысячелетий, почему тогда ненасилие как политический манифест до сих пор не одержало победы ни в одной стране мира?

Проблема неверия в ненасильственные ценности хоть и вытекает из общей циничности современной картины мира, однако и в некоторой степени является ее причиной. Прежде всего, стоит заметить, что до сих пор не существовало ни одного философского течения, которое бы абсолютно искренне декларировало своим базисным постулатом категорию насилия. Кроме того, даже среди интеллектуальной элиты общества ценность силы возможно и была когда-то отправной точкой философских воззрений, однако никогда не выступала ничьей отличительно чертой, потому что это могло послужить отправной точкой для неприятия такой философии обществом. То есть явных противников ненасильственной парадигмы по сей день человечество не воспитало. Почему же тогда сторонники насилия до сих пор не доказали действенность данной этической концепции в сфере регулирования как внутренних так и внешних политических конфликтов? Анализируя причину неверия общества в ненасильственные ценности, становится очевидным, что сам вопрос, поставленный вопрошающим обществом в такой его формулировке, и является ответом на него.

Ненасилие представляет собой морально-этическую концепцию. Сложно не согласиться с тем, что хоть этическая парадигма в настоящий момент и являет собой довольно обширный пласт исторически-ретроспективного знания, однако во многих ее специфических областях категории этического знания порой выступают в роли эфемерных расплывчатых установок. К примеру, базисная экзистенциальная этическая категория любви, которая занимала умы многих философов, находила свое отражение во многих научных этических трудах, до сих пор является глубоко индивидуальной категорией, границы и характеристики которой не могут быть представлены всему обществу в целом как единственно верные. Каждый человек постигает любовь на своем собственном неповторимом опыте. Сколько бы философско-этических трудов индивид не прочитал бы о любви, не имея индивидуального эмпирического опыта любовных переживаний невозможно дать полную внутреннюю оценку данной категории.

Являясь предметом философско-этического исследования, ненасильственная парадигма тоже представляет собой специфическую область философского знания, полное усвоение которой возможно лишь после индивидуального опыта переживания ненасильственной идеи. Здесь нет и не может быть никаких универсалий, границ и рамок ненасильственной этики, поскольку вопрос о принятии или непринятии для себя ненасильственной модели поведения является интимным, сугубо индивидуальным вопросом каждого человека. Точно так же как и категория любви, категория насилия является отражением рефлексивного внутреннего диалога человека. По сути, ненасилие и есть проявление любви в самом широком значении этого слова. Проявление любви к себе в недопустимости для себя применения силы. Проявление любви к окружающим в нежелании причинять им вред. Проявление любви к планете в отказе от нанесения ей ущерба. Проявление любви к животным в отказе от употребления в пищу мяса. Но никто из приверженцев и сподвижников ненасильственной этики никогда не уточнял, где именно должна начинаться ненасильственная культура в аспекте жизни одного человека, в каком возрасте должно человеку начинать осмысливать себя в тесной взаимосвязи с окружающим миром? Каждый сторонник ненасильственной этики воплощает в жизнь ее идеи в его индивидуальном неповторимом плане. Обстоятельства, окружающие людей, могут быть настолько разнообразны с точки зрения прогностических поведенческих концепций, что этика насилия (как и любая другая морально ориентированная система поведения) просто не в состоянии вынести четкие предписания действий в той или иной конкретной ситуации. Поэтому ненасильственные взгляды представляют собой лишь общие правила игры. Аналогично шахматной партии, где каждая конкретная фигура имеет свой потенциал и предписанные ей модели ходов. Однако куда передвинется фигура и передвинется ли вообще – это уже остается прерогативой воли игрока. Именно эта непредсказуемость ходов фигур, теоретический план передвижения которых

нам все-таки известен заранее, и делает игру в шахматы столь интересной для нас. Точно также и этика ненасилия являет собой шахматную доску, фигуру и основной концепт правил игры. Сама же игра, то есть воплощение ненасильственных взглядов в жизнь, является прерогативой ее приверженцев.

Теперь же, возвращаясь к проблеме неверия в практическое применение ненасильственной парадигмы, становится очевидным, что неверие это уже само по себе детерминирует невозможность общечеловеческого обращения к ненасильственным идеям. Кроме того, ненасильственная парадигма истолковывается каждым ее приверженцем исходя из его личного опыта отношений с миром. Отдельный человек вносит в ненасильственную парадигму свои индивидуальные поправки и дополнения или же отбрасывает некоторые аспекты ненасильственной этики в сторону за неимением достаточного личностного базиса в решении некоторых конфликтов. Примером тому могут служить два кардинально разных общественных движения, которые оба базируются на ненасильственных ценностях: антимилитаризм и вегетарианство. Если антимилитаристы почерпнули для себя в основном политические аспекты ненасильственного взаимоотношения с социумом и нашли их для себя полностью приемлемыми, то вегетарианство же в первую очередь отталкивается от ненасильственной концепции существования среди живой природы. Оба эти движения являются яркими примерами этики ненасилия в действии. Однако в то же время становится очевидным, что направлены они на решение кардинально противоположных проблем. Невозможно выделить из них двоих какое-то наиболее ненасильственное и, соответственно, менее ненасильственное социальное движение. Они оба поднимают важные аспекты современных проблем человечества, оба они базируются на фундаментальных постулатах ненасильственной идеи, однако ракурс рассмотрения этики ненасилия у них все же разный. То, за что борются каждое из двух этих движений, является для их приверженцев, соответственно, наиболее значимым аспектом практического ненасилия. На примере антимилитаризма и вегетарианства становится очевидным факт индивидуального подхода к ненасильственным установкам. Именно этот фактор личностной суверенной рефлексии каждого сторонника ненасилия показывает, насколько обширна данная проблема и сколько разных, порой не пересекающихся между собой, сфер человеческого пространства она затрагивает. Но стоит помнить, что этика ненасилия это, прежде всего, логические конструкты поведения в той или иной сфере человеческих взаимоотношений в социуме или же отношений человек-природа.

Следующей проблемой на пути современной ненасильственной парадигмы является вопрос о том, что, декларировав этику ненасилия в качестве особого свода этических норм и практик, уникального синтеза поведенческих реакций, следует ли считать насильственной всю остальную философско-этическую традицию? Разумеется, данные выводы хоть и нередко встречаются в современной философской школе, однако являются в корне абсурдными. Проведя параллель, можно предположить, что при появлении узкоспециализированной гуманистической философской традиции, все остальные философские школы можно считать антигуманистическими. Естественно, что данный ракурс рассмотрения ненасильственной этики базируется исключительно на ассоциативно-этимологическом ее аспекте, не затрагивая, между тем, специфических ненасильственных концептов данной этики.

Выше нами были рассмотрены основные эпистемологические проблемы современной ненасильственной идеологии. Если свести все эти проблемы к одной, то она может быть озвучена как сугубо диалектический вопрос недоверия к ненасилию в виду его общетеоретической направленности.

Однако, наряду с сугубо этимологическими проблемами трактовки ненасильственных постулатов, есть и ряд исключительно практических проблем ненасильственной этики. Проявления и закономерности этих проблем были подробно проанализированы нами во втором разделе данного диссертационного исследования, поэтому сейчас мы видим важным сформулировать ряд этих проблем в более конкретное поле.

Основными проблемами современной ненасильственной идеологии являются проблемы недостаточно верно проведенной социализации индивидов, приспособления индивидов к конкретным условиям жизни, принуждение их к чему-либо и разрушение. Под понятием разрушения здесь следует видеть его общую этимологическую составляющую. Примером такому разрушению могут служить и дестабилизация ценностной составляющей бытия, и трансформация идеалов под давлением социума.

При недостаточно верном ходе социализации личности зачастую возникает вопрос подмены ценностей конкретного индивида на ценности группы лиц, под чьим влиянием этот индивид оказался

в виду ряду причин.

В случае же необходимости приспособления к новым условиям жизни, индивид обычно остается существовать в своей обычной системе ценностей. По крайней мере, до тех пор, пока эта система ценностей отвечает его запросам к окружающей реальности. Также представляется интересным и тот факт, что при приспособлении индивида к новым условиям существования ненасильственная составляющая его жизни может быть вытеснена на задний план, однако очень редко она полностью покидает сознание.

В случае приспособления индивид обычно стремится к тому, чтобы новая картина окружающей его реальности отвечала требованиям старой, либо же дополняла их. Поэтому в данном случае, приспособление хоть и является основной проблемой современной этической парадигмы, однако с другой стороны – является детерминирующим фактором для возможности закрепления в сознании индивида ненасильственных установок и трансформации ненасильственных ценностей из теоретического в качественно практическое русло.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Медведева И., Шишова Т. Оружие эпохи постмодерна // Наш современник, 2006. №3. С. 146-159.
2. Семлен Ж. Выход из насилия: способность человека противостоять насилию // Глобальные и общечеловеческие ценности. М., 1990. - С. 76 -85.
3. Щепанская Т.Б. Зоны насилия (на материалах русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001.-С. 38-49

Єфименко С.А., “Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського”, м. Одеса.

УДК: 101+312+316.2

БІЗНЕС ЯК СОЦІАЛЬНИЙ ІНСТИТУТ: МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ

В статті розглядається бізнес як складне соціальне утворення сучасного суспільства та являє собою не тільки суто економічний феномен, пов'язаний з виробничими відносинами з приводу власності, тобто з її збереженням, розпорядженням і примноження за рахунок підприємницької діяльності - бізнес є також інституційним актором сучасної мережі соціальних відносин, який відстоює на рівноправній основі з іншими інститутами свої інтереси і несе корпоративну соціальну відповідальність перед суспільством.

Ключові слова: бізнес, соціальна реальність, соціальний інститут, економіка, методологічний аналіз, політична влада..

БИЗНЕС КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается бизнес как сложное социальное образование современного общества и представляет собой не только чисто экономический феномен, связанный с производственными отношениями по поводу собственности, то есть с ее сохранением, распоряжением и приумножения за счет предпринимательской деятельности - бизнес также институциональным актером современной сети социальных отношений, который отстаивает на равноправной основе с другими институтами свои интересы и несет корпоративную социальную ответственность перед обществом.

Ключевые слова: бизнес, социальная реальность, социальный институт, экономика, методологический анализ, политическая власть

BUSINESS AS A SOCIAL INSTITUTION: TECHNICAL ANALYSIS

The paper considers business as a complex social formation of modern society is not only a purely economic phenomenon associated with the relations of production on the property, ie the preservation and